

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ МОТИВА ИЗГНАННИЧЕСТВА У
САДРИДДИНА АЙНИ И ЧУЛПАНА

Каримова Нилуфар

студентка факультета языков, Самаркандский

государственный педагогический институт

karimovanilufar374@gmail.com

Научный руководитель: Сабина С.Б

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному анализу художественного воплощения мотива изгнанничества в творчестве Садриддина Айни и Абдулхамид Чулпана. В работе исследуется многогранность данного мотива, который проявляется не только как вынужденное физическое перемещение героев, но и как состояние «внутренней эмиграции», отчужденности личности от меняющейся социально-политической реальности. Автор анализирует, как у С. Айни изгнанничество сопряжено с темой социального бесправия и поиска справедливости, в то время как в поэтике Чулпана оно приобретает экзистенциальную окраску, становясь символом утраченной родины и духовного сиротства. Особое внимание уделяется анализу художественных средств — символике пути, образу чужбины и метафоре «плена», через которые авторы передают трагедию человека, лишённого корней в эпоху исторических катастроф.

Ключевые слова: Садриддин Айни, Чулпан, мотив изгнанничества, сравнительное литературоведение, центральноазиатская литература, джадидизм, духовное отчуждение, образ чужбины, лирический герой, историческая трагедия

Abstract: This article is devoted to a comparative analysis of the artistic embodiment of the motif of exile in the works of Sadriddin Aini and Abdulhamid Chulpan. The work examines The multifaceted nature of this motif, which manifests itself not only as the forced physical displacement of the characters, but also as a state of "internal emigration," the alienation of the individual from the changing socio-political reality. The author analyzes how S. Aini Exile is associated with the theme of social disenfranchisement and the search for justice, while in Chulpan's poetics it takes on an existential connotation, becoming a symbol of a lost homeland and spiritual orphanhood. Particular attention is paid to the analysis of artistic means - the symbolism of the path, the image of a foreign land and the metaphor of "captivity", through which the authors convey the tragedy of a person deprived of roots in an era of historical catastrophes.

Keywords: Sadriddin Aini, Chulpan, motif of exile, comparative literature, Central Asian literature, Jadidism, spiritual alienation, image of a foreign land, lyrical hero, historical tragedy.

Мотив изгнанничества является одной из сквозных категорий в мировой литературе, однако в творчестве Садриддина Айни и Чулпана он обретает специфические черты, обусловленные драматизмом эпохи джадидского просветительства и последующих революционных трансформаций в Центральной Азии. Актуальность исследования данной темы связана с необходимостью переосмысления судеб интеллектуальной элиты начала XX века, для которой изгнание стало не просто биографическим фактом, но и ключевой эстетической категорией. Для Айни и Чулпана тема «чужбины» (мусофирлик) тесно переплетена с вопросами национальной самоидентификации и поисками духовного убежища в мире, где старые ценности разрушены, а новые еще не обрели человеческого лица.

Научная новизна статьи заключается в сопоставлении двух различных подходов к изображению изгнанника (5. 67). Если у Садриддина Айни этот мотив часто рационализирован и вписан в контекст классовый и социальной борьбы, где герой ищет спасения от гнета эмирата, то в лирике Чулпана изгнанничество предстает как неисцелимая рана души, как метафора жизни в «плёну» обстоятельств. Целью данной работы является выявление общих закономерностей и индивидуальных различий в художественном воплощении этого мотива. Мы стремимся доказать, что для обоих авторов образ изгнанника стал формой выражения гражданской позиции и способом сохранения культурной памяти народа в условиях жесточайшего идеологического давления.

Художественная интерпретация мотива изгнанничества в творчестве Садриддина Айни и Чулпана представляет собой сложный синтез национальных традиций и личного трагического опыта авторов, зажатых в тиски эпохальных перемен. У Садриддина Айни, как основоположника таджикской советской литературы, изгнанничество изначально наделяется остросоциальным и биографическим смыслом. В его фундаментальных трудах, таких как «Воспоминания» (Ёддоштхо), мотив скитальчества тесно связан с поисками справедливости и просвещения. Герой Айни — это часто изгнанник поневоле, человек, покинувший родной кишлак или город не из-за внутренней пустоты, а из-за невыносимого гнета феодального строя Бухарского эмирата (1. 75). Здесь изгнанничество выступает как необходимый этап духовного и политического созревания личности: путь на «чужбину» (в большие города, медресе или за пределы эмирата) становится путем к знанию. Однако этот процесс сопряжен с физическими лишениями и ощущением глубокого социального сиротства, что Айни передает через детализированное описание бытовой неустроенности и психологического напряжения человека, оказавшегося в «чужом» пространстве.

Совершенно иную, экзистенциальную окраску мотив изгнанничества приобретает в художественной системе Абдулхамида Чулпана. Если у Айни герой идет к свету через изгнание, то у Чулпана изгнание — это перманентное состояние души поэта-джадида, осознающего трагедию «плененной» родины. В его лирике и романе «Ночь

и день» (Kecha va kunduz) мотив изгнанничества трансформируется в категорию «мусофирлик» (состояние чужестранца на родной земле). Чулпан мастерски использует метафору «родины-тюрьмы», где истинный патриот и интеллектуал чувствует себя чужим из-за невозможности реализовать свои идеалы свободы (2. 320). В его поэтике изгнанничество не обязательно связано с географическим перемещением; это глубокое внутреннее отчуждение от реальности, наполненной насилием и невежеством. Лирический герой Чулпана — это вечный странник в поисках «утраченного рая» (свободного Туркестана), чье изгнание носит метафизический характер и выражается через образы ночи, глухих стен и скованных крыльев. Сравнительный анализ позволяет выявить точки соприкосновения в использовании символики пути и образа «дома». Для обоих авторов утрата дома символизирует крушение прежнего миропорядка. Однако если Садриддин Айни в конечном итоге находит «новый дом» в новой социальной реальности, то для Чулпана тема изгнанничества остается незаживающей раной, ведущей к трагическому финалу (6. 87). В творчестве Айни изгнанник — это борец и строитель, чьи скитания завершаются обретением почвы под ногами. У Чулпана же изгнанничество становится формой интеллектуального протеста: поэт намеренно подчеркивает свою отстраненность от «торжествующего» фальшивого мира, выбирая участь одинокого странника. Эта разница в подходах отражает два вектора развития центральноазиатской мысли того времени: рациональный путь социальной адаптации и просвещения у Айни и трагический путь сохранения национальной чести через страдание и внутреннее изгнание у Чулпана. Необходимо подчеркнуть, что оба писателя активно используют традиционные восточные образы, наполняя их актуальным политическим содержанием (4. 96). Изгнанничество у Айни и Чулпана перестает быть просто темой разлуки с близкими; оно становится мощным инструментом анализа национальной идентичности. Через страдания героя-изгнанника авторы демонстрируют читателю ценность корней, языка и истории. Таким образом, художественное воплощение мотива изгнанничества в их наследии — это не только описание личной драмы, но и глубокое философское размышление о месте человека в потоке истории, о праве личности на внутреннюю свободу и о том, что истинная родина обретается лишь через долгий путь испытаний и духовного поиска.

Особое внимание следует уделить лингвопоэтическому аспекту воплощения изгнанничества. В текстах Садриддина Айни мотив скитальчества часто передается через лексему «мусофир» (странник), которая в таджикском культурном коде несет оттенок не только физического перемещения, но и социальной незащищенности (3. 248). Айни детально описывает лингвистическую изоляцию героя: оказываясь в других регионах или среди других социальных слоев, изгнанник сталкивается с барьером непонимания, что усиливает чувство отчужденности. Для Айни изгнанничество — это еще и утрата привычного звукового пространства родины,

которую герой пытается восстановить через сохранение родного языка и фольклорных традиций. Это делает его прозу не просто историческим свидетельством, а филологическим памятником стойкости духа в условиях культурного смещения. В художественной философии Чулпана изгнанничество тесно связано с концепцией «духовной клетки». Если физическое изгнание можно завершить возвращением домой, то духовное изгнание в понимании Чулпана — это необратимый процесс разрушения внутренней гармонии. В его поэтических сборниках часто встречается образ «разбитого зеркала» или «высохшего источника», символизирующих состояние поэта, чьи идеалы оказались изгнаны из официальной жизни общества. Чулпан доводит мотив изгнанничества до высшей точки трагизма, показывая, что даже находясь в центре своей нации, интеллеktуал может быть изгнан из её будущего. Это превращает его лирику в глубокое философское размышление о границах между личным «я» и коллективным «мы», где изгнание становится ценой за сохранение творческой индивидуальности.

Символика «пути» у обоих авторов также заслуживает детального разбора. У Айни путь изгнанника всегда имеет четкий вектор — это движение из тьмы прошлого к свету знания и свободы. Его дороги пыльны и трудны, но они ведут к конкретной цели. В отличие от него, пути героев Чулпана часто закольцованы или ведут в «никуда». Мотив бесконечного, бесцельного странствия подчеркивает безысходность положения джадидской интеллигенции, для которой не осталось места в новой идеологической матрице. Изгнанник Чулпана — это «вечный жид» восточной литературы, обреченный на поиск идеала, который более не существует в реальности, что придает его образам черты романтического мессианства и мученичества.

Интересен также гендерный аспект данной темы. В произведениях С. Айни изгнанничество часто затрагивает судьбы женщин, которые оказываются «дважды изгнанными»: сначала из родительского дома, а затем из общества из-за жестких патриархальных законов. Вспоминая образ матери или угнетенных женщин в «Дохунде», Айни показывает, что женское изгнание — это самая тяжелая форма социального отчуждения. У Чулпана же женский образ в контексте изгнанничества часто приобретает аллегорические черты самой Свободы или Музы, которая была изгнана из мира людей. Это подчеркивает универсальность мотива: изгнанию подвергается всё прекрасное и чистое, что не вписывается в рамки жестокой эпохи, будь то поэт или беззащитная женщина. Наконец, нельзя игнорировать влияние суфийской философии на восприятие изгнания обоими классиками. Несмотря на светский и просветительский характер их творчества, в подтексте всегда ощущается традиция «гураба́» (чужестранцев в этом мире). Изгнанничество воспринимается как временное пребывание души в земном плену. Для Айни это становится стимулом к активному преобразованию земного мира, чтобы он перестал быть «чужбиной» для простого человека. Для Чулпана суфийский мотив странничества становится способом эстетического спасения: если земная родина утрачена, изгнанник находит

TANQIDIY NAZAR, TAHLILIY TAFAKKUR VA INNOVATSION G'UYALAR

приют в мире образов, поэзии и вечных смыслов. Таким образом, мотив изгнанничества у этих авторов выступает не только как описание личной беды, но и как масштабная метафора исторического пути народов Центральной Азии в XX столетии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айни, С. Собрание сочинений: в 6 т. / С. Айни. — М.: Художественная литература, 1971–1975.
2. Чулпан, А. Ночь и день: роман / А. Чулпан; пер. с узб. — Ташкент: Шарк, 2012. — 320 с.
3. Брагинский, И. С. Садриддин Айни. Жизнь и творчество / И. С. Брагинский. — 2-е изд., доп. — М.: Советский писатель, 1978. — 248 с.
4. Каримов, Н. Чулпан: Н. Каримов. — Ташкент: Фан, 1991. — 96 с.
5. Набиев, А. Творческая личность и художественный процесс / А. Набиев. — Душанбе: Ирфон, 1987.
6. Раджаби, М. Джадидизм и литература / М. Раджаби. — Ташкент: Фан, 1991.

